

Все они, подчинённые мною, стали тою силою, что питала мою машину войны. Да, они не столь же могущественны, как мои солдаты, хотя некоторые из них, а если быть точнее, то лишь самые верные из них, а таких было крайне мало, смогли стать ими, но это вовсе не значило, что они были бесполезны.

Их воины, жившие войной и от этого могучие, были незаменимы, когда речь шла о военных действиях против тех, с кем у них были очень давние и весьма натянутые отношения.

Действуя в малых группах, состоящих из нескольких всадников и лёгких пехотинцев, они успешно противодействовали грекам в их жалких попытках пополнить свои припасы во время вылазок.

В то же время, они помогали также и в подчинении новых племён, ибо получали за это жалование, а также очень небольшую, но всё же часть трофеев, «неизбежно добываемых» при «подведении местных под власть моей державы». Естественно, в последнем случае речь идёт о неучтённой добыче.

В любом случае, суть заключается в том, что силы моих корпусов, которым всегда разрешалось привлекать «местное население» к выполнению боевых задач в составе вспомогательных войск, были чем-то вроде снежного шара, постепенно набирающего критическую массу.

Собственно, последнее означало, что чем дольше осаждённые оборонялись, тем больше удавка вокруг их шеи сжималась. Разумеется, сначала всё это происходило весьма постепенно, однако со временем процесс стал идти всё быстрее, несмотря на любые потери от вылазок осаждённых.

Последнее, естественно, обороняющиеся рано или поздно должны были заметить. Они и заметили, в общем-то. Ну, а когда заметили, то поняли, что если ничего в ближайшее время не изменится, то ничего, кроме поражения, их не ждёт, поскольку мои силы уже успели показать и наглядно доказать, что пришли они сюда надолго.

Понимая всё это, осаждённые решили предпринять последнюю попытку прорвать осадное кольцо, прежде чем начать переговоры о капитуляции.

Естественно, понимая свои сильные стороны и, как им казалось, сильные стороны врага, а также принимая во внимание месторасположение своего города, они попытались прорвать линию морской блокады.

Жители Эмпориона, имея в своём распоряжении лишь тридцать недоукомплектованных кораблей, разумеется, и не надеялись на полный разгром противника и уничтожение его флота.

Их план, вероятнее всего, заключался в том, чтобы нанести моим морским силам достаточный урон, дабы им, в свою очередь, пришлось снять морскую блокаду и отступить.

В принципе, единственный возможный и единственный разумный план в их положении. Жаль, что эта же деталь делала их план крайне предсказуемым.

Разумеется, к этому уже давно были готовы. Ну и, собственно, когда осаждаемые попытались осуществить его, они попались в ловушку. В результате, все их корабли были либо уничтожены, либо захвачены. Та же участь постигла и флот Роде, состоящий из двадцати кораблей.

И, как бы ни было это печально для осаждённых жителей, после подобного моим силам уже ничего не стоило захватить их гавани, которые уже никем не защищались.

Ну, а после потери целой части города и единственного шанса на победу, они, разумеется, капитулировали. Разумеется, столь долгое и упорное сопротивление далеко не обрадовало моих солдат.

Многие из них были убиты ими, не меньшее число погибло от различных болезней, пока они просиживали свои штаны в непосредственной близости от своего обидчика.

Конечно же, после такого надеяться на первоначальное предложение было просто глупо. Впустив моих солдат внутрь после их лживых обещаний, они сами предоставили им кинжалы, которые им оставалось лишь вонзить в их спины.

Думаю, вы уже догадываетесь, что произошло далее - мародёрство, грабежи, расстрелы, старое доброе сексуальное насилие и поджоги под распитие спиртного и прочие радости. К слову, практически единственные радости в не очень-то и весёлой солдатской жизни.

В любом случае, засекаем время - 11 мая был захвачен Роде, 12 мая - Эмпорион и лежащая в его окрестностях Кипсела. Проведя в захваченных поселениях несколько дней, первый и второй экспедиционный корпуса, оставив гарнизоны, выступили на соединение с третьим экспедиционным корпусом.

Разумеется, затем, чтобы помочь последнему захватить уже наконец-то Тарракон, а также лежащий в непосредственной близости к нему Салаурис.

Таким образом, первый экспедиционный корпус соединился со вторым экспедиционным корпусом в Эмпорионе 16 мая, после чего тут же выступил в сторону Тарракона.

Прибыли же оба корпуса к Тарракону 30 мая, затратив на преодоление более двухсот двадцати километров пути примерно 14 дней. Соединившись с третьим корпусом, они, согласно моему приказу, образовали вторую экспедиционную армию под командованием Эврилоха Магнета.

Силы второй экспедиционной армии, к слову, составили пятнадцать тысяч пехотинцев и полторы тысячи всадников. Разумеется, не считая ста двадцати тяжёлых

кораблей и артиллерийского парка в лице трёх осадных орудий, трёх мортир и шести пушек.

Жители Тарракона, поняв, что враг втроекратно усилился, естественно, сдались уже на следующий день, причём тогда же сдались и жители Салауриса. Правда, на этот раз никакого бесконтрольного насилия уже не происходило.

Мои офицеры, коим я вставил мозги обратно на их место, разумеется, больше не допускали чего-то столь же вопиющего. Несмотря на недовольство солдат, разумеется.

Тарракон был, таким образом, присоединён к империи на тех же правах, что ранее были присоединены и другие города. Правда, полное гражданство получили лишь греки и финикийцы. Все остальные получили лишь вид на жительство.

В отличие от Салауриса, даже и не сопротивлявшегося моим войскам – там полное гражданство получили все жители города, что очень сильно усилило позиции Салауриса на фоне Тарракона.

Зачем я это сделал? Ну, затем, чтобы послать всем в Иберии вполне понятное и простое сообщение – «сдавайтесь, вам же будет лучше». Ну, а также для того, чтобы иметь надёжный оплот в лице Салауриса на случай предательства Тарракона, но уже скорее приятный бонус, чем основной мотив.

<http://tl.rulate.ru/book/77109/2704287>